

Сергей Владимирович СахневичИнститут деловой карьеры, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Москва, Россия
e-mail: crash68@yandex.ru**Онтологическая ущербность ремесла: истоки, последствия и преодоление
метафизической дискриминации труда**

Аннотация. В статье предпринимается систематическая реконструкция критики ремесленного труда как онтологически неполноценной формы человеческой деятельности. На материале текстов Платона, Аристотеля и М. Хайдеггера выявляются устойчивые структуры метафизического мышления, в рамках которых ремесло интерпретируется как затемняющее подлинное бытие. Аристотелевский тезис о «немеркнущем идеале книги» интерпретируется как ключевой критерий онтологической дифференциации. Анализируется хайдеггеровская критика техники как «поставы», углубляющая античную интуицию о забвении бытия. Особое внимание уделяется социальным последствиям метафизической иерархии. Актуальность исследования подчеркивается современной социально-экономической ситуацией в России, где остро стоит задача повышения престижа рабочих специальностей. Как демонстрирует историко-философский анализ, корни этой проблемы уходят гораздо глубже времен «уровнировки» в СССР и коренятся в многовековой метафизической традиции. Рассматриваются альтернативные интерпретации (Ж.-П. Вернан, П. Адо, Ж. Деррида). Делается вывод о необходимости пересмотра оснований онтологической иерархии и признания ремесла фундаментальной практикой человеческого бытия-в-мире.

Ключевые слова: дискриминация ремесла в европейской философской традиции, «постав», реабилитация рабочих профессий в России, ремесло как подражание идее, советская «уровнировка».

Sergey V. SakhnevichInstitute of Business Career, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Linguistics, Moscow, Russia
e-mail: crash68@yandex.ru**The Ontological Deficiency of Craft: Origins, Consequences,
and Overcoming the Metaphysical Discrimination of Labour**

Abstract. The article undertakes a systematic reconstruction of the critique of craft labour as an ontologically inferior form of human activity. Drawing on texts by Plato, Aristotle, and M. Heidegger, it identifies persistent structures of metaphysical thought within which craft is interpreted as obscuring authentic being. Aristotle's thesis of the "unfading ideal of the book" is interpreted as a key criterion for ontological differentiation. The article analyzes Heidegger's critique of technology as "Enframing" (Gestell), which deepens the ancient intuition about the oblivion of being. Special attention is paid to the social consequences of the metaphysical hierarchy. The relevance of the study is underscored by the current socio-economic situation in Russia, where the task of enhancing the prestige of blue-collar professions is acute. As the historical-philosophical analysis demonstrates, the roots of this problem extend far deeper than the era of "leveling" in the USSR and are rooted in a centuries-old metaphysical tradition. Alternative interpretations (J.-P. Vernant, P. Hadot, J. Derrida) are examined. A conclusion is reached regarding the need to reconsider the foundations of ontological hierarchy and recognise craft as a fundamental practice of human being-in-the-world.

Keywords: discrimination of craft in the European philosophical tradition, "Enframing" (Gestell), rehabilitation of blue-collar professions in Russia, craft as imitation of an idea, Soviet "levelling".

Введение (Introduction)

История европейской философии отмечена устойчивым предубеждением против ремесленного труда и его носите-

лей. Это предубеждение, уходящее корнями в античную мысль, не является случайным социологическим фактом, но коренится в фундаментальных онтологических разли-

© Сахневич С. В., 2026

Для цитирования: Сахневич С. В. Онтологическая ущербность ремесла: истоки, последствия и преодоление метафизической дискриминации труда // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 2 (51). С. 32–35. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-51-32-35

Статья доступна на условиях лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

чениях, задающих иерархию способов человеческого бытия [1, р. 287–290; 2, р. 215–220]. Ремесленник, производящий материальные блага, неизменно оказывается на нижних ступенях этой иерархии, уступая место философу, поэту, политику. За этим социальным неравенством скрывается метафизическая презумпция: продукты ремесла эфемерны, их создание утилитарно, а сам процесс труда не приближает человека к истине, но уводит от нее.

Актуальность исследования обусловлена не только академическим интересом к истории идей, но и насущной необходимостью пересмотра унаследованных метафизических иерархий в современной философии труда и социальной теории. В эпоху тотальной технологизации, когда человек превращается в «человеческий ресурс» [3, с. 228], вопрос о достоинстве различных видов труда вновь обостряется.

Эта теоретическая проблема имеет прямое отношение к насущным вопросам современной российской повестки. Сегодня перед обществом и государством стоит стратегическая задача: повысить престиж рабочих специальностей и мотивировать молодежь к получению образования в системе среднего профессионального образования, чтобы преодолеть дефицит квалифицированных кадров. Сложившуюся ситуацию часто объясняют наследием советской «уравниловки», якобы нивелировавшей ценность мастера. Однако, как показывает настоящее исследование, корни этого явления уходят в гораздо более глубокие пласты европейской культуры. Проблема престижа ремесла — это не только вопрос заработной платы или социальной политики, но и вопрос многовековой метафизической традиции, объявившей физический труд уделом «низших». Понимание этих глубинных истоков позволяет увидеть, что реабилитация рабочих профессий невозможна без деконструкции тех философских стереотипов, которые на протяжении тысячелетий формировали пренебрежительное отношение к созданию материального мира.

Цель исследования заключается в экспликации метафизических оснований дискриминации ремесла в европейской философской традиции, демонстрации социальных последствий этой дискриминации и обосновании возможности онтологической реабилитации ремесла.

Методы (Methods)

Теоретико-методологическую основу исследования составляет комплексный подход, интегрирующий несколько уровней анализа. Историко-философский анализ применяется для реконструкции взглядов Платона, Аристотеля и Хайдеггера на основе внимательного чтения их текстов. Компаративный метод используется для сопоставления античной и хайдеггеровской критик ремесла. Герменевтическая интерпретация позволяет выявить имплицитные предпосылки философских построений, в частности аристотелевского критерия временности как скрытого основания онтологической иерархии. Элементы деконструкции (вслед за Ж. Деррида) применяются для демонстрации того, что исключаемое (ремесло) является условием возможности привилегированного (философии). Социально-философский анализ служит для прослеживания связи метафизических иерархий с реальными социальными структурами.

Литературный обзор (Literature Review)

Проблема отношения философии к ремеслу и труду имеет обширную историографию. В антиковедении фундаментальное значение имеют работы В. Йегера, показавшего связь платоновской критики ремесла с его политической теорией [1, р. 287–290], и Ж.-П. Вернана, реконструировавшего социальные корни этого предубеждения в структуре греческого полиса [2, р. 215–220]. Исследования П. Адо о философии как образе жизни предлагают альтернативный взгляд, сближающий теоретическую практику с телесными и даже ремесленными техниками себя [4, р. 85–100].

В области хайдеггероведения критика техники анализируется в работах Ж. Бофре [5, р. 115–120] и Ф.-В. фон Херрманна [6, S. 205–210], подчеркивающих онтологический характер этой критики. Постструктуралистская деконструкция метафизических оппозиций, предпринятая Ж. Деррида, позволяет увидеть внутреннюю противоречивость иерархий, исключаящих то, что является их условием [7, с. 210–215].

Социальные последствия метафизической иерархии прослежены в работах М. Вебера о протестантской этике [8, с. 145–150] и А. де Либера о средневековом различении искусств [9, с. 65–70]. Однако систематического сопоставления античной и хайдеггеровской критики ремесла с акцентом на единый критерий онтологической дифференциации (временность/вечность) до сих пор предпринято не было.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

1. Платон: ремесло как удаленность от истины

В античной философии отношение к ремеслу формируется под влиянием фундаментальной онтологической оппозиции между миром идей (бытия) и миром вещей (становления). Платон, заложивший основы этой оппозиции, последовательно проводит мысль о том, что подлинная реальность принадлежит умопостигаемым эйдосам, тогда как чувственно воспринимаемые вещи — лишь их несовершенные копии.

В 7-й книге «Государства» Платон разворачивает знаменитую притчу о пещере. Узники, прикованные к стене пещеры, видят лишь тени проносимых мимо предметов, принимая эти тени за единственную реальность [10, с. 295–298]. В этой аллегории ремесленник занимает низкое положение: тени, которые видят узники, — это тени предметов, создаваемых ремесленниками. Сами эти предметы, в свою очередь, являются подражаниями идеям. Таким образом, ремесленник имеет дело с копиями копий, с тенями теней.

В 10-й книге «Государства» Платон вводит различие трех видов «ложе»: ложе как идея, созданная богом; ложе как конкретный предмет, созданный столяром; и ложе как изображение, созданное живописцем [10, с. 342–345]. Живописец подражает не идее, а лишь видимости вещи, созданной ремесленником. Но и сам ремесленник не творит идею — он лишь воплощает ее в материале. «Столяр, изготовляя ложе, — пишет Платон, — взирает на идею ложа и таким образом создает одно ложе за другим. Но он не создает саму идею, ибо это было бы творением бога» [10, с. 343].

Таким образом, у Платона закладывается фундаментальная схема: ремесло — это деятельность в модусе

неистинности, удаленности от подлинного бытия. Философский дискурс о примате идеального неизбежно маргинализирует тех, чья жизнь связана с материальным производством.

2. Аристотель: иерархия деятельностей и проблема временности

Аристотель, при всей своей эмпирической ориентированности, сохраняет и углубляет иерархическое понимание человеческой деятельности. В его этико-философской системе прослеживается различие деятельности, имеющей цель в самой себе (праксис, созерцание), и деятельности, направленной на создание внешнего продукта (позис, включающий ремесло). Последняя уступает первой в достоинстве, поскольку служит чему-то иному, а не самодостаточна [11, с. 63].

В 1-й книге «Никомаховой этики» Аристотель различает цели: одни деятельности имеют целью сам процесс, другие — нечто внеположное процессу. Ремесло всегда есть средство: дом строится для жилья, обувь шьется для ношения. Оно гетерономно, его ценность определяется не им самим, а тем, чему оно служит.

Особого внимания заслуживает аристотелевское понимание временности продуктов ремесленного труда. В отличие от деятельности философа, результат которой — умопостигаемое знание, не подверженное порче, изделия ремесленника обречены на уничтожение. В трактате «О душе» Аристотель проводит различие между деятельностью, результаты которой сохраняются, и деятельностью, результаты которой исчезают в акте их использования [12].

Напротив, продукты теоретической деятельности — знания, записанные в книгах, — обладают иным модусом существования. Аристотелевская интуиция о «немеркнущем идеале книги» становится парадигмальной: подлинное бытие есть то, что преодолевает время. «Мы чтим древних мудрецов, — замечает Аристотель, — не потому, что они жили давно, а потому, что их учения сохраняют истину» [13, с. 215].

Эта интуиция может быть интерпретирована как критерий онтологической полноценности: чем более долговечен результат деятельности, тем ближе эта деятельность к подлинному бытию. В этом смысле ремесло оказывается онтологически ущербным именно потому, что его продукты не способны противостоять времени.

3. Хайдеггер: техника как забвение бытия

Мартин Хайдеггер в XX в. дает новое, фундаментально-онтологическое обоснование критике технической деятельности. В работе «Бытие и время» он анализирует повседневное бытие Dasein как озабоченность (Besorgen), т. е. как обращение с подручным (Zuhandenes) [14, с. 102–110]. Однако уже здесь заложена двусмысленность: подручное имеет тенденцию «исчезать» в своей служебности.

В поздних работах, особенно в докладе «Вопрос о технике», Хайдеггер показывает, что сущность техники не есть нечто техническое. Техника — это способ раскрытия (Entbergung) сущего, но раскрытия особого рода [3, с. 223–225]. Новоевропейская техника перестает быть «выведением» (poiesis) и становится «поставом» (Gestell) — требова-

нием, обращенным к природе, поставлять энергию, которая может быть извлечена и накоплена [3, с. 228–230].

В «поставе» мир предстает как ресурс, как материал для обработки и использования. Река становится поставщиком гидроэнергии, лес — источником древесины, человек — «человеческим ресурсом». Такое отношение к сущему закрывает возможность встречи с бытием как таковым.

Ж. Бофре подчеркивает, что критика техники у Хайдеггера не есть простое неприятие технического прогресса. Речь идет о забвении бытия, которое в технике достигает своей кульминации [5, р. 115–120]. Ф.-В. фон Херрманн показывает, что хайдеггеровское понимание ремесла связано с его концепцией «мира» [6, S. 205–210]. Вещь, созданная ремесленником, собирает мир; массовый продукт такой отсылки лишен.

Хайдеггеровская критика наследует античную интуицию: занятость созданием и использованием вещей отвлекает человека от вопроса о бытии. Однако для Хайдеггера выход из «поставы» проблематичен — это судьба бытия, способ, которым бытие раскрывается в нашу эпоху.

4. Общая структура онтологической дискриминации ремесла

Объединяя рассмотренные концепции, можно выделить устойчивую структуру метафизического мышления, последовательно девальвирующую ремесленный труд.

Первый критерий — близость к истине. У Платона ремесло удалено от истины, поскольку имеет дело с тенями. У Аристотеля оно не связано с высшим знанием. У Хайдеггера техническое раскрытие мира скрывает бытие.

Второй критерий — временность. Продукты ремесла преходящи, они включены в круговорот уничтожения. Продукты теоретической деятельности причастны вечности.

Третий критерий — самодостаточность. Ремесло служит внешним целям, оно гетерономно. Философское созерцание автономно.

Четвертый критерий — отношение к бытию. Ремесло манипулирует сущим, но не вопрошает о бытии. Философия есть само вопрошание о бытии.

В результате формируется устойчивое предубеждение: ремесленник есть человек низшего сорта. Это предубеждение имеет не социологическую, а метафизическую природу.

5. Деконструкция иерархии: Ж. Деррида

Постструктуралистская философия, особенно в лице Жака Деррида, подвергла радикальной критике саму возможность таких иерархических построений. Деррида показывает, что западная метафизика построена на системе оппозиций, где один член всегда привилегирован, а другой — маргинализирован [7, с. 120–125].

В этой системе ремесло оказывается на маргинализованной стороне, сближаясь с телом, материей, письмом. В работе «О грамматологии» Деррида анализирует, как письмо, будучи условием возможности философии, систематически исключается из нее [7, с. 210–215]. Ту же логику можно применить к ремеслу: общество, презирующее ремесленников, не может существовать без их продуктов.

Р. Бернстайн отмечает, что деконструкция позволяет увидеть внутреннюю противоречивость метафизической

иерархии: исключаемое оказывается условием возможности привилегированного [15, р. 180–185].

6. Социальные последствия метафизической иерархии

Метафизическая иерархия имела далеко идущие социальные последствия. Она легитимировала разделение труда, при котором физический труд доставался низшим сословиям, а умственный — элите. Она оправдывала рабство.

В средневековой Европе эта иерархия была воспроизведена в различении «свободных искусств» и «механических искусств» [9, с. 65–70]. М. Вебер показал, как протестантская этика придала профессиональному труду религиозное значение, однако труд оставался средством [8, с. 145–150]. Марксистская традиция сохранила долю презрения к ремеслу, видя в нем докапиталистическую форму производства [16, с. 185–190].

Лишь в XX в. началась частичная реабилитация ремесла, однако метафизическое предубеждение продолжает влиять на наше восприятие.

Заключение (Conclusion)

Проведенный анализ позволяет утверждать, что отторжение ремесла в классической европейской философии не является случайным мотивом. Оно вырастает из фундаментальных онтологических различий, задающих иерархию способов человеческого бытия.

Ключевым аргументом является апелляция ко времени. Ремесло производит преходящее, философия — вечное. Хайдеггер углубляет эту интуицию, показывая, что техническое отношение к миру есть форма забвения бытия.

Понимание глубинных истоков предубеждения против ремесла имеет не только академическое, но и практическое значение. Современная российская дискуссия о престиже рабочих профессий, о необходимости привлечения молодежи в систему среднего профессионального образования, о преодолении дефицита квалифицированных кадров обретает новое измерение. Корни проблемы лежат не только в советском прошлом, но и в гораздо более древней метафизической традиции. Это означает, что реабилитация ремесла требует не только экономических стимулов и социальных реформ, но и глубокой культурной и философской работы — пересмотра тех стереотипов, которые на протяжении тысячелетий формировали пренебрежительное отношение к физическому труду.

Преодоление метафизической дискриминации требует постановки под вопрос самой оппозиции вечного и временного, теоретического и практического. Ремесло не просто обслуживает тело, оно создает мир человеческой предметности, формирует навыки внимания и терпения, связывает человека с традицией и материалом. В этом смысле ремесло может быть понято как фундаментальная практика существования, а не как низшая ступень в иерархии деятельностей.

1. Jaeger W. Paideia: The Ideals of Greek Culture : in 3 vol. Oxford : Oxford University Press, 1945. Vol. I–III. 456 p.
2. Vernant J.-P. Myth and Thought Among the Greeks. New York : Zone Books, 2006. 448 p.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика, 1993. С. 221–238.
4. Hadot P. Philosophy as a Way of Life. Oxford : Blackwell, 1995. 320 p.
5. Beaufret J. Dialogue with Heidegger. Bloomington : Indiana University Press, 1986. 254 p.
6. Herrmann F.-W. von. Wege ins Ereignis: Zu Heideggers "Beiträgen zur Philosophie". Frankfurt am Main : Klostermann, 1994. 398 S.
7. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
8. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 61–272.
9. Либера А. де. Средневековое мышление / пер. с фр. О. Головой. М. : Праксис, 2001. 368 с.
10. Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1993. Т. 3. С. 79–420.
11. Аристотель. Никомахова этика // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–294.
12. Аристотель. О душе // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 1. С. 371–448.
13. Аристотель. Метафизика // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 63–367.
14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М. : Ad Marginem, 2001. 452 с.
15. Bernstein R. Philosophical Profiles: Essays in a Pragmatic Mode. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1986. 312 p.
16. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1960. Т. 23. 907 с.